

"Heartwarming, Funny, Beautifully Performed... A Total Original"

VIGGO MORTENSEN

CAPTAIN FANTASTIC →

ENTERTAINMENT ONE PRODUCTION SHIVAH'S PICTURES PRESENTS AN ELECTRIC CITY ENTERTAINMENT PRODUCTION A FILM BY MATT ROSS VIGGO MORTENSEN "CAPTAIN FANTASTIC" FRANK LANGELLA with KATHRYN HARRIS and STEVE ZADIN COSTUME DESIGNER JEANNE MACARTHY EXECUTIVE PRODUCERS CHRIS RODRIGUES PRODUCED BY ALEX SCHMERS DIRECTOR OF PHOTOGRAPHY COURTNEY HOLTMAN EDITOR JOSEPH KRINGS EXECUTIVE PRODUCERS RUSSELL BARNES EXECUTIVE PRODUCERS STEPHANE FONTAINE EXECUTIVE PRODUCERS SAMANTHA HORSMAN CRYSTAL POWELL LOUISE RINGE EXECUTIVE PRODUCERS NIMATT MAHMOUD DECIAN BALIWIN PRODUCED BY SHIVAH RAHAT MUSIC BY MONICA LEVINSKY EXECUTIVE PRODUCERS VYNETTE HOWELL TAYLOR & JAMIE PATRICKSON EXECUTIVE PRODUCERS IN CINEMAS SOON PRODUCED BY MATT ROSS

entertainment.com

Семён Уралов о художественном фильме «Капитан Фантастик»

Беседа с [Джуном на «Тупичке»](#), 12 октября 2026 г.

[youtube](#)

[Видео на тг-канале Семёна Уралова](#)

[Аудиозапись на канале oper.ru](#)

[ВК](#)

[Видео в МАХ](#)

[Аудио на podster.fm](#)

Джун. Здравствуй, Семён.

Семён Уралов. Привет, Джун.

Д. Настало время поговорить про кино.

СУ. Так точно.

Д. На повестке дня фильм со странным названием «[Капитан Фантастик](#)».

СУ. Да, само название непонятное.

Д. Возможно, кто-то подумает, что это что-то из мира супергероев, но никакого отношения к такой тематике фильм не имеет.

СУ. Давай сразу напомним, что словарь Urban Dictionary говорит о том, что Капитан Фантастик — это мужской половой хер, причём такой, если говорить, ху*к*ще, в превосходительном смысле этого слова.

Д. Но, опять же, не совсем понятно, как это привязать к кино.

СУ. Да, не очень понятно. Но есть такая версия, что «Капитан Фантастик» — это не просто так.

Д. Некоторые герои всё-таки светят половыми органами в кадре.

СУ. И не стесняются, да.

Д. Но кино даже не об этом.

СУ. Название путает совершенно.

Д. Малоизвестный фильм, хотя и награждённый по всяким номинациям. Фестивальный, короче.

В главной роли [Вигго Мортенсен](#), многим известный по роли Арагорна.

Мы советуем всё же кино посмотреть.

СУ. Да, надо посмотреть, конечно.

Д. Так что, если кто не смотрел, сначала смотрите фильм, а потом нашу беседу.

СУ. Напомню, что я-то всё-таки разбираю через призму политики, это моя профдеформация, поэтому мы все фильмы так или иначе смотрим немного как социологи, политики, художественную часть [я не трогаю, потому что] я в ней не особо разбираюсь. Фильм политический, мы на это будем обращать внимание.

Д. Да, он политический. Хотя

фильм не про политические события, но герой с ярко выраженной политической позицией.

СУ. Там проходят политические конфликты. Потому что в самом начале фильма мы видим, что герои оказываются в странной обстановке, непривычной. Мы видим дикую природу.

Д. А как ты это привязываешь к политике?

СУ. Сначала нам кажется, что перед нами одичалые, если говорить языком кинематографа. Они ведут себя как одичалые.

Д. Да, согласен. До контакта с внешним миром непонятно, что это за люди.

СУ. Они то ли ё...нутые, то ли одичалые. Это не очень понятно. Поначалу кажется, что их политические разговоры — какая-то ересь, что они больные. А потом оказывается, нет, это принципиальное решение. Этих людей, которые оказались в лесу, мы сначала воспринимаем как одичалых по внешнему виду, потом оказывается, что это их осмысленное интеллектуальное решение. Есть же такое понятие в общественной жизни, в политических движениях как отшельничество. Есть такое явление, оно всегда было. Отшельничество — это всегда решение, которое принимают. Есть изгнание, когда община изгоняет кого-то, делает отшельником намеренно, тогда это изгнание.

Д. Отшельник невольный.

СУ. Изгнанник — это кто против своей воли. Отшельник — это тот, кто принял решение уйти. Отшельничество — это древнейшая культура. Она постоянно у нас присутствует, когда человек уходит куда-то от мира.

Д. [Герман Стерлигов](#) отшельник?

СУ. Да, конечно, отшельник. То есть я ушёл из общества, потому что мне что-то не нравится в том, как оно организовано. Я считаю, что я могу либо организовать другое общество (как это сделали герои фильма), либо я ухожу укрощать свою плоть, работать над собой, то есть отшельничество идеалистическое, по библейским мотивам. Тогда это отшельничество с целью победить себя.

Есть два типа отшельничества. Отшельничество социальное, когда люди уходят для того, чтобы сделать что-то лучшее. Отшельничество такого типа стало широко распространено в 60-е годы XX века, когда человечество было напугано ядерной войной (гонка вооружений, ядерные бункеры). Идея отшельничества — освоение других миров, потому что наша Земля до такой степени загажена, что на ней вообще ничего невозможно сделать, поэтому отшельники уходят на другие планеты и там строят какие-то свои идеальные миры. Это [нашло отражение] в фантастике в виде ярких сюжетов, когда кто-то вырвался на другие планеты. В частности, мой любимый рассказ — это «[Билет на планету Транай](#)» Роберта Шекли. Он как раз ровно об этом. Сейчас такое редко встречается в фантастике. Человек ищет. Ему рассказали, что есть некая идеальная планета-утопия, которая всё-таки где-то есть. Он бросает Землю, становится отшельником, проходит все этапы.

Отшельничество — это важнейшее в культуре даже не явление...

Д. Движение.

СУ. Это движение. Наши староверы — это же тоже было отшельничество, во многом политическое. Они не согласились с [никоновскими реформами](#), сказали до свидания и ушли. Потом их государство догнало, но всё равно староверы продолжали жить там. У них своё право, свой банкинг был в том числе. Кстати, они живут такой отшельнической формой до сих пор. В Армении же нет национальных меньшинств, но есть одно, это русские. Их там называют [молокане](#). Об этом мало кто знает. Это староверы, которые ещё, по-моему, в XVIII веке, при Екатерине, переселились в Армению. Им армяне разрешили селиться сёлами молоканскими.

Их очень мало. Но если посмотреть, они прям такие русы-русы, у нас таких русских не найдёшь. Они продолжали жить такой отшельнической жизнью, потому что это было идеологическое решение. Почему я сейчас про староверов говорю? Точно так же они пришли, например, на берега Дуная. Там их называют уже не молоканами, а липованами. Это те, которые ушли в нынешнюю Румынию, за Дунай бежали.

В этом смысле главные герои, как мы видим, — это тоже идеологические отшельники. Вокруг этого на самом деле и строится весь конфликт.

Д. Давай в двух словах обозначим, потому что, наверное, не все пойдут смотреть кино, а беседу будут слушать. Главные герои — это семья: взрослый, герой Вигго Мортенсена, и шестеро детей.

Мама...

СУ. По умолчанию есть.

Д. Да, но в данный момент отсутствует, потому что в больнице лежит. Они живут где-то в нетронутой местности, далеко от людей — по сути, в контакте только с дикой природой. Фильм и начинается с охоты на оленя. Причём охоты, как сейчас было бы по-современному, по-игровому сказать, в ближнем бою.

СУ. Кровавый.

Д. Даже не луком. Спрятались, подпустили оленя близко, они были у водоёма, накинулись на него и зарезали. Старший сын. Непросто.

СУ. Жёстко, жёстко.

Д. Но тут я хотел бы ещё, кстати, заметить, что они, естественно, этого оленя сожрут, распотрошат и всё такое, но в данном случае, возможно, имела место не обычная для них охота, а именно обряд инициации.

СУ. Похоже на то, да.

Д. Совместили приятное с полезным, потому что вряд ли эта охота для них первая, но видно, что в этой охоте отец вырезал какой-то орган.

СУ. Согласен, это было ритуально.

Д. Сказал, что мальчик умер, на его месте теперь мужчина, помазал его кровью и дал вкусить вырезанный [орган], я даже не знаю, что это было.

СУ. Что-то было, да. Кусочек.

Д. Кусочек оленя поел, прям на месте.

СУ. Но они чувствуют себя гармонично при этом. Нас немного пугает эта картинка.

Д. Да, то, о чём ты сказал. Непонятно в этот момент, что за люди такие.

СУ. Или сумасшедшие, или, может, о маньяках пойдёт речь. У меня такая была первая мысль. Что это? Может, о каких-то маньяках пойдёт речь? Но потом мы видим, что им гармонично в этом всё. Всё спокойно, но гармония разрушается плохой вестью.

Д. О том, что мама умерла.

СУ. Но не просто умерла.

Д. Да, не просто умерла, а ещё и самоубилась.

СУ. Да, и тут очень важный момент в этом фильме, он говорит детям: «На этот раз удалось».

Д. Да, очевидно, это была не первая её попытка.

СУ. И очевидно, что дети об этом знали. Это такой тоже момент, который сразу [наталкивает на мысль], что может быть, речь о сумасшедших. Они сидят в лесу, и тут новость о том, что мать покончила с собой, и отец так спокойно об этом говорит. В первый момент действительно приходит мысль: что-то там у них с кукушкой.

Д. Но с другой стороны, если именно на этой сцене заострить внимание, а как по-иному детям

такую тяжёлую весть [донести]? Он пришёл и просто прямо им сказал.

СУ. Там же другая семья. Понимаешь? Там же семья в этом смысле античная. Они изначально относятся к детям как к маленьким взрослым. Это иная концепция воспитания.

Д. Это важный вопрос, который я вообще хотел задать в конце, но раз уж ты коснулся, давай сразу сейчас. Может, вернёмся? Дети, они дети или они маленькие взрослые?

СУ. Тут нам показаны именно маленькие и взрослые. То есть, то, как к ним относились в античности. На самом деле, большую часть времени, наверное, до конца XIX века, когда только началась история со всеми [оливерами твистами](#), борьба за права детей...

Д. [Дмитрий Юрьевич](#) часто говорит, что [детство](#) — это придуманная концепция.

СУ. Она появилась только в XIX веке. Детство, как мы его знаем сейчас, было только у высших слоёв, чаще всего только у девочек, потому что у мальчиков были корпуса офицерские. Мало кому удавалось пожить жизнью [Обломова](#). В основном мальчиков-дворян отправляли, только девочки [воспитывались дома], отсюда даже появилось выражение «салонные барышни». А у всех остальных детство заканчивалось после того, как [сформировались] физически основные функции — ходить, хватать, есть самостоятельно. Дальше ты становишься частью большого хозяйства. Это даже не то, что ты взрослый.

Я напоминаю, что эта практика даже в право была заложена. В Древнем Риме главным субъектом был патер, то есть отец семейства, причём вплоть до того, что он детей мог продать в рабство, лишить жизни. То есть дети рассматривались в традиционной семье как собственность отца. Это очень важная вещь. Отец в этой традиционной модели сразу всем нарезал задачи. Даже была, например, женская и мужская половина. Дети до пяти-шести лет больше проводят времени с женщинами (имеется в виду, мальчики). А дальше — всё, у каждого своя функциональная задача. И он должен, как минимум, что-то выполнять. [Всё стало меняться] в XIX веке не только потому, что мы стали такими умными, просвещёнными. Нет. Просто изобретения науки и техники сняли с нас 90% забот, которые раньше лежали на человеке.

Сейчас нам надо принять душ, мы идём, открываем кран и принимаем душ. 200 лет назад помыться — надо наносить воды, если у тебя нет слуг, ты не аристократ какой-нибудь или купец. Если у тебя семья, на кого тебе рассчитывать? Только на твоих детей. Поэтому

дети до второй половины XIX века — это было капвложение, инвестиция.

Это рассматривалось ещё и как отчасти бизнес-модель. Какие навыки ты им привьёшь, такие они у тебя в хозяйстве и будут. А потом ребёнок уходит и становится таким же взрослым. То есть у него детство буквально два-три года, пока он ещё не может нормально ходить. А всё остальное — взрослая жизнь, и всё.

Д. Но тут я замечу, что дети обременены (не знаю, корректно ли говорить, что они обременены), но они участвуют в жизни полноценно, они обременены трудом, но они также касаются не только взрослых занятий, в плане работы.

СУ. У них суперобразование, как мы видим.

Д. Они касаются в том числе и некоторых взрослых тем вполне свободно, отец спокойно самым

младшим (там не называется, сколько лет самому младшему мальчику. Девочка чуть-чуть старше него, и сказано, что ей восемь).

СУ. Дошкольник.

Д. Да. Он услышал слово «изнасилование», когда отец обсуждал с более старшей дочерью «[Лолиту](#)».

СУ. Это меня удивило, кстати.

Д. Мальчик сразу же спросил, что такое изнасилование. Отец тут же ему выдал определение. Причём, я ещё замечу, он сказал, как есть, но ребёнок даже не знал, что такое половой акт. И пришлось рассказывать, что такое половой акт со всеми вытекающими. А дальше герой Вигго Мортенсена пошутил над ним, когда на праздник подарил...

СУ. Всем оружие, а ей книгу о половом воспитании.

Д. Даже не о половом воспитании.

СУ. «Радости секса».

Д. The Joy of sex, по-моему. С картинками.

Его смущали ответы папы на вопросы, типа, это когда мужчина засовывает свои половые органы туда. Он спрашивает: «Зачем? Что это такое?» И отец, когда дарил книгу с картинками, тот открыл, офигел. Отец говорит: «Ладно», забрал книжку и подарил ножик. Всё встало на свои места.

Но я про то, что у него нет никаких табу, запретных тем.

СУ. Давай мы разберём этот момент идеологически содержательно и художественно отчасти. Идеологически содержательно нам показывают очень просвещённого отца. Это именно позиция просвещённого человека. В воспитании же есть два направления:

- подавление авторитетом, то есть, воспитание
- и передача знаний.

У главного героя концепция рационального подхода. Он материалист, мы видим по ходу пьесы,

что он поклонник большой [Хомски](#). Я тоже.

Д. Мы дойдём до этого.

СУ. Дойдём. Это осознанный выбор отца — относиться к своим детям как к взрослым.

Д. Кстати, замечу, он не давит авторитетом и даже готов любой вопрос с ними обсудить: «Докажешь — я соглашусь с тобой».

СУ. Это именно подход, когда он не давит авторитетом в вопросах передачи знаний, обрати внимание. Когда дело касается вопроса какого-то выживания, ещё чего-то — безусловный авторитет.

Д. Он всё же главный.

СУ. Он главный. А вопрос развития интеллектуального — там совершенно иная вещь. Там идёт принцип убеждения. Есть два же подхода. Есть внушение и убеждение. Внушение — это так или иначе воздействие через эмоции, через авторитет, то есть через психику. Это внушение. Внушать можно по-разному. Можно напугать человека и внушить, а можно на уши присесть и слизня ему подсадить.

Например, многие родители повторяют: «Не делай, плохо, не делай. Не занимайся онанизмом — руки отсохнут». Такая известная история. А можно объяснить, если мы коснулись...

Д. Сказать: «Волосы вырастут».

СУ. Да. Это рациональный подход, который на самом деле исповедовался в советской школе. Почему он для Америки выглядит диким и непонятным? Я тебе скажу так, я ещё успел побыть советским школьником. По большому счёту, если сейчас не заострять темы секса, которая там акцентирована, принцип объяснения советских школьников был похож, как у отца в этом фильме. Задача была — объяснить. Я просто помню ломку. Была ещё советская школа, а потом уже постсоветская. Потом она стала антисоветской. Она проходила такие процессы. В советской школе, например, более сильных учеников прикрепляли к более слабым, даже сажали их вместе за парту, и учитель ставил задачу объяснить отстающему, рассказать, если надо, своими словами. Я очень хорошо помню, как учителя [отдельно занимались с отстающим], а я думал: «Нафиг вы возитесь с этим идиотом после урока? Ему неинтересно». Она ему садится и пытается что-то объяснить. Пытается, пытается. Это, в принципе, материалистический подход к образованию, когда мы пытаемся дойти до сути.

Д. Привить понимание.

СУ. Привить понимание, да, чтобы человек сам задавал вопросы. Как мы видим тоже в этом фильме (мы же можем забежать вперёд?), когда он не просто от своего ребёнка будет требовать определения.

Д. Которые он тоже может продемонстрировать.

СУ. Да, он знает определение, но он потом ему говорит: «А теперь расскажи своими словами». Вопрос касается краеугольного вопроса — [«Билля о правах»](#). Американцы же помешаны на правах.

Д. Конституция.

СУ. Идея права — это их право, англосаксонское. У нас всё-таки больше идея справедливости. Они ходят рука об руку, право и справедливость. Но там больше акцент на право, у нас больше акцент на справедливость.

Д. Ты имеешь в виду, что у нас закон котируется ниже справедливости, или как?

СУ.

Если закон несправедлив, он в восточном обществе вызывает [двоемыслие](#). Люди его не выполняют, но делают вид, что выполняют.

А американская правовая модель прецедентная.

Это Зиновьев очень хорошо разбирает в своём «[Западнизме](#)». Он объясняет, что такое западная правовая модель.

Она изначально формирует у человека психологию уголовника: всё, что не запрещено, то разрешено.

Это мы видим повсюду. Пока у них гомосексуалистов сажали на электрический стул и лечили электричеством, это было нормой. Теперь другое право. А что с вашим обществом произошло? Всего 30 лет прошло. 30 лет назад вы педерастов своих умучивали. В том числе учёные погибали, с ума сходили. А теперь что-то изменилось. Почему? Потому что у них в право внесли, что теперь пи... — это нормально. Все с этим согласились.

А у нас немного другое общество. Если брать тему пидоров...

Д. Они декриминализировали. То есть, не совсем в нашем понимании нормально. Скорее, не запрещено.

СУ. Нет. Это в 90-е не запрещено. А теперь-то это же прайды, пиар.

Д. Это развилось.

СУ. Да. Оно уже развилось. Я говорю, это их правовая система. А посмотри, например, наше восточное общество. Я специально не говорю русское. Попытка в Грузии затянуть ту же тему с пидорами. Казалось бы, антироссийское общество, по большому счёту: в союзы с нами не входит, была война. Но эту тему — нет, потому что это вопрос справедливости, а не закона. Это принцип мышления людей, которые мыслят в прецедентном праве. У нас право континентальное. В континентальном праве законы появляются в ходе обычаев, ещё чего-то. Например, как закон о кровосмешении. Почему нельзя жениться на двоюродных? Люди за тысячу лет увидели, что уроды рождаются. Ввели это сначала в моральный закон, а потом он стал уже и правовой нормой. Прецедентное западное право немного другое. Оно реагирует, если что-то произошло. Мы смеёмся над этими дурацкими американскими законами. В таком-то штате нельзя носить синюю шапочку. Почему? Потому что оно прецедентное.

Д. Что-то с синей шапочкой случилось, и мы это закрыли.

СУ. Да. Мы это как закон приняли, прецедентный закон, и всё. И пока мы не докажем, что синяя шапочка — это норма, мы будем все с этим считаться. Это очень хорошо отражено, когда была борьба в Штатах против рабства. Пока было рабство легально, всё. Какие вопросы? Они нелюди официальные. Это их норма.

На этом нацизм пророс немецкий. Фюрер сказал, что это нелюди. Это закон, они нелюди. Какие вопросы совести? Нелюдей надо убивать. Это особенность западного мышления.

Обратим внимание, как ведёт себя главный герой, он изначально в пессимистической позиции: этот мир изменить нельзя. Это мир прецедентный для него. Все живут по другим прецедентам, а он вынужден себе создавать свой прецедент, потому что он находится вне легального правового поля. Мы видим к нему по ходу действия претензии полицейских, детей в школе, не в школе. Постоянные претензии именно, что ты какой-то не такой. Ты живёшь неправильно. Ты живёшь не так, как мы. А до его идеологии нет дела, всем насрать.

Д. Его тесть по телефону говорит даже, что тебя тут арестуют просто потому, что я скажу, если ты только приедешь.

СУ. Да, тебя арестуют сразу. Идеологически, да, всё верно. А формально, конечно, так не бывает. Это то, почему дети крестьян были необразованными. И почему Ломоносову для того, чтобы что-то приобрести, нужно было горы свернуть.

В реальности,

если люди живут в режиме, что им надо добывать себе пищу постоянно, они не могут учиться.

Не зря придумана средняя школа, не зря детей освобождают. Что такое жизнь ребёнка? Извините меня, он с 8 утра до обеда учится в школе, а потом ещё, если он нормальный ребёнок, ещё у него есть домашнее задание плюс кружки. Ребёнка не зря занимают.

Д. Школа для него — это работа.

СУ.

Школа для него — это работа. Выполнять работу, а потом ещё учиться никакой ребёнок не способен.

Это доказано, потому что у человека ограниченное количество энергии. Если он огромное количество энергии в этот день отдаст физической работе, бегать за кем-то, прыгать, попробуй потом ещё почитать что-нибудь, философию ещё какую-то.

Д. Это можно даже и про взрослых сказать, тех, кто работает. Много ли у них времени для того, чтобы поднять книжку?

СУ. Нет, конечно. А тут тем более дети, у них мозг [всё время чем-то занят], они бегают всё время, они энергичные, у них проблемы внимания.

Но мы видим идеальный эксперимент. Это же фильм про некую абстрактную ситуацию, которая теоретически могла бы быть.

Теоретически мы видим идеального экспериментатора, идеального отшельника. Его дети одновременно могут как взрослые жить, но при этом как дети учиться.

Но тут ещё такой момент: когда ребёнок начинает жить уже взрослой жизнью, у него возникает логичный вопрос. А зачем мне учиться? Для чего? Тем более там закрыт вопрос перспектив. Это очень хорошо показано на судьбе старшего сына, который в самом начале, мы видим, втихаря от отца получает письма.

Д. Из вузов.

СУ. Из вузов. Около десятка ему пришло ответов.

Д. Самое главное, что из самых престижных.

СУ. Да. Йель, Гарвард.

Д. Массачусетс.

СУ. Да, образование у него хорошее. Это идеальная картина. Но в жизни, конечно, такое невозможно, и отец же там потом тоже в конце говорит, что подделал сертификат об образовании, что у него нет школьной лицензии. Отец об этом говорит. Если говорить про реализм, то мы имеем ситуацию именно такую, что они бы даже теоретически могли бы это сделать (хотя вряд ли, потому что по времени так не получится), практически они асоциальны, и поэтому эти знания некуда применить. Они окажутся ненужными.

Это как проблема тех гуманитариев, кого в советские времена, как мне рассказывали, распределяли в деревню. Он пылал желанием писать какие-то научные труды, ещё что-то. Это особенность деревенского уклада. Почему культура развивается в городах? Это феномен интеллигенции. Только в городах появляется прослойка людей, обладающих свободным временем, при этом общество готово делиться с ними ресурсами (деньгами, в первую очередь), для того чтобы они своё свободное время тратили на то, чтобы объяснять что-то другим горожанам, развлекать, если это артисты, открывать что-то новое, если это учёные и т. д. В этом функция интеллигенции. В деревне интеллигенции мало возможности зародиться. Поэтому чаще всего деревенская интеллигенция, как мы знаем, — это пара школьных учителей, врачи, ещё что-то. У них не может возникнуть культурное пространство. А

те знания, которым он их учит, нужны только в большом обществе, потому что интеллектуалы не могут жить друг без друга.

Для них же Хомски превратился в бога.

Д. Они, получается, его день рождения за праздник считают.

СУ. Да.

Д. о чём я хотел тебя спросить. Кто это такой [Хомски](#)? Я про него ничего не знаю.

СУ. О, Хомски. Хомски — это интереснейшая фигура. Это, во-первых, [лингвист](#) с мировым значением. Его главный вклад (ещё в 50-х-60-х годах) — [его работа](#) по структуре лингвистической. Не помню, как она называется? В ней он докопался до логики почти всех языков. Хомски является культовой личностью одновременно и для лингвистов, и для тех, кто

[работает] в сфере IT, потому что у него много разработок именно структурного [характера], как язык понимать и как его применять. Оно легло ещё и в основу языков программирования тогда. Там тоже языки.

Он всегда был университетским преподавателем, именитым учёным, но где-то с 70-х годов XX века он занял очень активную политическую позицию.

Д. Антиамериканскую?

СУ. Антиимпериалистическую занял позицию. Я всем рекомендую прочитать его две книги «[Как устроен мир](#)» и «[Кто правит миром](#)» (Who rules, кто рулит миром). То есть, именно в таком смысле управляет. Это выжимка его политических идей. Пишет очень хорошим телеграфным стилем. Сконцентрированная мысль. Видно, что человек языком владеет. Там расклад, как устроен американский глобальный империализм.

То есть это фигура для политэкономии левой, социалистической — как недавно ушедший от нас [Иммануил Валлерстайн](#).

Д. А это кто?

СУ. Валлерстайн Иммануил — это человек, который развил неомарксизм с точки зрения теории планетарной. Всё-таки теория Маркса — это было применительно к национальным тогда государствам, т. е. был пролетариат немецкий и т. д. А Валлерстайн эту идею развил, что мир стал глобально капиталистическим, у него образовалось своё ядро, своя периферия, своя полупериферия, и таким образом этот глобальный капитализм теперь управляется. Это мир-системный анализ, отдельное большое направление в политэкономии. А Наум Хомский — левый социалистический мыслитель, которого забанили ещё в 70-80-х годах во всех официальных мейнстримовских медиа. Он (как Дмитрий Юрьевич в этом смысле) блогер. Зайдите на [сайт](#) к нему, кто заинтересовался. Он постоянно пишет колонки, где может, выступает. Невероятно активен. Так как он преподаватель, продолжает работать со студентами. Но его система забанила. Он маргинал, несмотря на то, что величайший ученый. По части рейтинга он считается сейчас одним из величайших мыслителей мира. Науку он не то чтобы забросил, просто он свои открытия уже сделал, он продолжает преподавательскую деятельность, но более известен почти 50 лет уже не как учёный, а как активный марксист. Мы больше знаем [Берни Сандерса](#) как легального марксиста.

Д. А марксист ли он?

СУ. Левого, скажем так, социал-демократа.

Д. Просто про американских левых можно услышать, что они не левые вовсе. У них акценты смещены на эту всю муть, которую левым приписывают.

СУ. True. Это же вечная история про «трулей». Кто настоящий левый, кто не настоящий левый, сложно сказать. Это как спор между маоистами, марксистами, ленинистами. «Да нет, — маоисты кричат, — вы предали левую идею».

Д. Кстати, маленький диалог состоялся между отцом и старшим сыном.

[— Дай это сюда, Бо. Поговори с ними. Время есть.

— Спросить, что она думает о вооружённом восстании рабочего класса против

эксплуататоров и их государственного устройства?

— Марксисты не менее кровожадны, чем капиталисты.

— А может, она диалектический материалист и классовая борьба для неё превыше всего?

— Не надо марксизма и не говори ей, что ты троцкианец.

— Троцкист. Только сталинист может называть троцкиста троцкианцем. И я больше не троцкист. Я маоист.

— Точно.

Отрывок из фильма]

СУ. Да, я на этот момент тоже обратил внимание. Видишь, они уже запутались, кто кому Рабинович.

Д. Но «сталинист» прозвучал именно осуждающе.

СУ. Потому что отказались от идеи мировой революции. Вообще, среди американских левых, то, что я встречал, какая предьява к советским левым? Что вы отказались от идеи мировой революции, поэтому у вас произошло то, о чём предупреждал Троцкий в своей книге — что бюрократия вырождается, станет реальной правящей номенклатурой и захочет потом присвоить себе средства производства. Они же и говорят: раз Советский Союз [распался], следовательно, ваш путь был ошибочным. Следовательно, был прав Троцкий. Это логика западных и особенно американских троцкистов. Не зря же он сам туда сбежал.

Д. А Троцкий насколько популярен там?

СУ. Это надо смотреть, насколько он в массах популярен, не знаю, в элитах он очень популярен. Это была альтернатива Советскому Союзу.

Д. Но он популярен именно благодаря своим идеям? Как левый или как антибольшевик?

СУ. Как левый.

Главный вопрос, на который до сих пор левые не ответили, это вопрос об отмирании государства.

Если государство в таком виде, в котором оно есть, сохраняется, то оно всё равно, так или иначе, национальное, потому что оно к какому-то этносу привязано. Оно не может быть в сферическом вакууме.

Д. А у нас какое национальное государство?

СУ. У нас тоже, поэтому были Казахская ССР, Украинская ССР, Узбекская ССР. Левые говорят, что когда-то потом национальности отомрут. Когда-то потом. А когда это произойдет? Оно всё не происходит и не происходит.

Д. Но все эти казахские, украинские, они же были объединены в СССР.

СУ. Правильно. Но

как только эта настройка разрушилась государственно, они сразу вернулись к своим национализмам.

Начались 90-е. Так говорят троцкисты. У них логика какая? Что нам нужно строить ещё и глобальный интернационализм. Нам нужно работать на то, чтобы произошла мировая революция. Мировой капитал, бла-бла-бла. Это их логика. Она более популярна на Западе.

Маоизм — это как раз Китай сделал правильный вывод свой.

Д. А Китай как-то работает на мировую революцию? Целенаправленно?

СУ. Ортодексальные маоисты считают, что с приходом [Дэн Сяопина](#) в Китае произошло такое же предательство, как у нас с приходом [Хрущёва](#), и от идей [Мао](#) отошли. Просто в Китае, в отличие от нас, не обгаживают предыдущих правителей, поэтому действующая власть [с уважением относится]: у неё и Мао в мавзолее, и Дэн Сяопин. В этом смысле, как [сейчас у нас](#): тут флаг имперский, советский и ещё какой хочешь.

Это и есть проблема, как объединять национальную культуру с идеологией интернационализма.

Китай сейчас обвиняют в том, что они под Китай маскируют ханьский национализм, что на самом деле они угнетают уйгуров, хотят их ассимилировать, что это на самом деле никакой это не коммунизм, а это так национализм мимикрирует. Я напомню, точно так же мочили русских большевиков. Они говорили, это просто маска. На самом деле под этой маской коммунистов кроются всё те же шовинисты, империалисты.

Д. Типа русский национализм такой?

СУ. Русский империализм. Шире.

Д. Но русский.

СУ. «Это всё Россия, империя. Просто у неё сейчас новая окраска. Раньше была окраска романовская. А теперь окраска стала большевистская». И это был не то чтобы убедительный аргумент, но в развале Советского Союза, например, он был очень весомый. Типа, «у нас забрали все наши ресурсы». В РСФСР это не очень замечалось, особенно в Ленинграде. А где-нибудь в Якутии, в национальных республиках, там всё было с этим «весело». Отсюда же тезис Дмитрия Юрьевича, что антисоветчик — всегда русофоб.

А это обратная история. Троцкисты говорили, что нам нужна мировая революция, иначе всё равно никого коммунизма не будет, всё равно все уйдут в свои мелкие национализмы, но под вывесками коммунизма. Такая логика.

Д. Типа, как

антисоветчик — всегда русофоб, а интернационалист — всегда скрывающийся националист.

СУ. Получается так, да, пока не отмерли национальные государства. Но это же на самом деле проблема очень важная. Это проблема, на которой споткнулся Советский Союз. Уже было объявлено, что сформировалась новая общность советских людей. Внутри советских граждан какая-то часть (это, кстати, социология до сих пор видит) говорит: «Я русский, но я при этом советский, это не мешает», «Я украинец, я советский», «Я казах», но не все взяли себе эту тотальную идентичность добровольно. И мы видели, как в 1991 году очень многие от неё добровольно отказались. Типа, «нахер мне это надо, всё, я уже не советский».

Это большая проблема политической идентичности, потому что она, в отличие от идентичности этнической, которая обусловлена родом, языком, верой, требует постоянной работы над собой.

Хорошо описано, как в Германии социалисты становились нацистами. «А что такого? У них же в партии тоже национал-социалистическая идея. Гитлер же за рабочих немецких. Ну да, а что мы должны с другими рабочими? Нет, мы только за немецких рабочих». И огромное количество социалистов и бывших коммунистов пополнило ряды НСДАП, потому что это тоже идентичность приобретаемая. Сегодня я социалист, завтра я нацист. Не зря они название партии сделали национал-социалистическая. Это была изначально задуманная идея, как раз для того, чтобы можно было легко менять идентичность. И непонятно, правый, левый.

Кстати, у нас в начале 90-х такой же феномен возник. Я напоминаю, это [национал-большевистская партия](#). Мы всё время говорим, что это партия [Лимонова](#), и забываем, что она была создана Лимоновым и [Дугиным](#), это было две фигуры. Лимонов был большевистская её часть, а Дугин — национал. Мы просто называем НБП, сразу, типа, большевики. Нет, я напоминаю, НБП — это была национал-большевистская партия. Так это устроено.

Поэтому

этническая идентичность очень сильна

(лингвоэтническая, потому что всё-таки язык и происхождение, то есть, от кого мы

происходим, и язык, на котором мы говорим), она довлеет над человеком.

Поэтому все очень легко становятся националистами.

А чтобы стать интернационалистом, нужно постоянно над собой работать.

Прямо работать, работать. А иначе начнётся: «Да, я интернационалист, но негров не люблю, мы все вместе». И это основа нашего интернационализма.

Д. Тут, кстати, странно. Они от общества убежали, живут вдалеке от него, но тем не менее политикой интересуются, проблема их волнует. Более того, там в конце звучит, что они решили жить отдельно, когда старшему было три только. То есть, находясь вне общества, они всё равно общественными проблемами так или иначе озабочены. Они же там не делятся внутри себя на фашистов и прочих. Причём фашист у них ругательное абсолютно слово.

СУ. Да-да, однозначно. Но давай разберём. [Фраза Ленина](#), что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Это всё было доказано ещё нашими социалистами в конце XIX века, когда возник феномен похода в народ. Мы знаем народовольцев, которые убивали, организовывали покушения. А на самом деле не в этом было дело. Были художники-передвижники, которые говорили: «Сейчас мы возьмём наши картины, пойдём в народ и будем его просвещать». Эта позиция более активная. То есть «я иду для того, чтобы передать тем, кого мы считаем необразованными, повысить уровень сознания».

Д. Созидание.

СУ. Есть подход конструктивный и продуктивный. Конструктивный — это когда ты настраиваешься с другими людьми, чтобы образовать конструкт, чтобы вы вместе конструктивно [сотрудничали]. А продуктивный — это когда у вас ещё на выходе какой-то продукт получается, как сейчас у нас. Мы не просто обсуждаем фильм, у нас ещё продукт получится в виде ролика. Настоящий социалист должен быть конструктивным и продуктивным. Иначе нахер ты нужен.

Идеи нужны для того, чтобы другим пример подавать,

не только детям. Нахер ты сбежал в лес?

Д. Странно выглядит этот разговор на заправке. Пацан, который только что увидел девчонок и просто заблеял практически, он абсолютно не социализирован. Он даже на простое «привет» растерялся, в дверях стоя. Тем не менее, таких проблем касается, политическую позицию имеет. А вокруг тебя одни олени. Кому там до твоей политической позиции?

СУ. О чём и речь. Это и есть то самое неправильное отшельничество. Смотри, я напоминаю, в отшельничестве есть два направления. Либо ты сбежал от мира, потому что он совсем не такой, какой тебе нужен. И это позиция. Либо я ушёл зачем-то в отшельники, чтобы со мной что-то произошло, какую-то работу над собой провёл и потом вернулся. Для чего? Я же в обществе живу.

Они не строят у себя иное общество. Они опираются на чужие идеи. Им нужен Хомски, чтобы поддерживать свою идеологию, свою чистоту понимания.

Но Хомски же, извини меня, не отшельник. Он поэтому в университете преподаёт — для того чтобы передавать свои идеи. Поэтому главный герой в начале фильма неадекватный. В конце они преображаются немного. А в начале фильма он неадекватный марксист, назовём его так, потому что марксистское учение — про общество, про коллективную личность. А он строит не общество, он строит беглецов, т. е. отшельников, которые сбежали от общества, и поэтому он воспроизводит диалоги со своей женой. Для чего они сбежали? Там есть фраза, они мечтали построить идеальное общество по Платону.

Д. Это фразы из письма, которое она пишет бабушке, своей матери, она пишет: «У нас всё хорошо, мы растим детей, они будут мыслителями».

СУ. Философами-правителями.

Д. Но непонятно, кем они будут править.

СУ. Так это самый главный вопрос. Что такое идеальное общество? Я, кстати, недавно перечитывал Аристотеля и Платона, восстанавливал себе в памяти. Не под этот эфир, а вообще. Плюс Бертрانا Рассела как раз прочитал, «[Историю западной философии](#)». Он там интересно это всё разбирает. Философия Платона предметна. Она применяется к полисам. А полисы, я напоминаю, как устроены:

- свободные граждане,
- женщины, у которых нет никаких прав вообще
- и рабы, которые обеспечивают свободным гражданам ту самую возможность заниматься политикой.

Что такое политика? Это же от слова «полис» — город. Политика вообще появляется только в городе. Она потому и называется политика. «Политика» и «полиция» — это однокоренные слова (полис). Марксист не может сформироваться вне общества, потому что те теоретические выкладки, которые ему будут объяснены, как устроен мир, как человек устроен, ему нужно сюда приложить. Ты не поймёшь психологию унижения людей какого-нибудь частного капиталиста, пока ты не увидишь сам, как ломаются судьбы, как кто-то херачит по 20 часов в день, а его выгоняют — короче, такие истории из жизни.

Д. А книг недостаточно?

СУ. Нет, конечно.

Д. Дети там читают классику, «Братьев Карамазовых», внезапно.

СУ. Нет. Этого не то чтобы недостаточно, но такой уровень абстракции у человека появляется после приобретения какого-то жизненного опыта. Что такое художественное произведение? Это же гений какой-то увидел окружающую действительность, зашифровал в какие-то метафоры, образы, слова героев. И сделал это настолько гениально, что люди из его расшифровки воспринимают весь социальный контекст эпохи. Как мы учим? [Онегин](#), кто это такой? Почему он такой. Или [Чацкий](#), почему он такой? Все эти скалозубы и проч. Это же социальные типажи. Это же не просто генерал Скалозуб. Это вояка и проч. Молчалины и т. д. Поэтому не получится. Это изначально тупиковый путь, который они [выбрали].

Я не исключаю, что сын-то прав, когда говорит, что это отец довёл маму до биполярочки. Тут ещё очень важный момент. Мама же от чего погибает? Он же говорит, что это, во-первых, не первый раз, а потом выясняется, что у неё случилось биполярное расстройство. Для меня это был вопрос, как они размножались. Шесть детей. Дети не знали при этом, откуда берутся их братья. Для меня это была загадка в этом диалоге. Ладно, оставим это за скобками. Будем считать, что она уезжала рожать и возвращалась. Аист принёс, ладно, хорошо. Деревенские дети прекрасно знают, откуда берутся дети.

Так что это изначально фильм, в котором не было социально-политического консультанта. Если бы они поместили их в условия, что они живут, например, на хуторе где-то, есть деревня, допустим, они живут уединённой жизнью на хуторе, где демонстрируют всем иной уровень самоорганизации. И самое главное, такого типа люди должны общины вокруг себя создавать.

Таких много очень. Знаменитая уничтоженная американскими спецслужбами коммуна. Она существовала в 70-х годах, они собирались эмигрировать в Советский Союз. Их уже собралось несколько тысяч человек. Они ждали, жили как раз общиной. И до сих пор не расследовано, как они все умерли, их всех убили. Что-то случилось с ними. Это же случай из истории. Это Джонстаун, коммуна Peoples Temple [(англ.) — [Храм народов](#)]. Это были сторонники не просто коммунизма, а именно советского. Они сбежали в Гайану. Это страна рядом с Венесуэлой. И там был огромный лагерь, до тысячи человек. Это был скандал в своё время. Они эмигрировать собирались. Это была политическая позиция. И в 1978 году 918 американских граждан, включая 260 детей, совершили массовое самоубийство в этом городе. Переехали в 1975 году из США, потому что в США их прессовали. Они переехали, ещё всех подтягивали. Причём они

почему переехали из США? Они постоянно говорили, что их прессуют, им не дают жить, что они беспокоятся за свою жизнь. Как сообщают, за год до этого самоубийства как раз в Джонстауне сначала пытались похитить всех детей, но им не дали этого сделать, а потом их ликвидировали. Это 1978 год. Главный герой где-то, наверное, этого года рождения, плюс-минус. Это мой сверстник.

Фильм 2016-го года. Ему там около 40–45. Это была реальность американская. Тех, кто пытался так сбежать и сделать свою коммуну, ещё совсем недавно убивали. Поэтому, если бы у него была действительно конструктивная, подчёркиваю, позиция, он бы не убегал, а в каком-то населённом пункте начал бы делать что-то типа коммуны, потому что задача — не просто показать, что ты живёшь правильной жизнью, а ещё другим вокруг показать: «Отправляйте своих детей к нам». Детское образование, школа.

Так, кстати, возник очень интересный штат в Америке — Пенсильвания. Была очень влиятельная [семья Пеннов \(квакеры\)](#), они были пацифистами, типа, «мы пацифисты, мы не участвуем ни в какой общественной жизни». И колония Пенсильвания — это как раз пацифистам семьи Пеннов выдали грамоту на колонию (на штат, но тогда эта колония была). Типа, «там вы можете жить по своим законам».

К нам, кстати, такие же приезжали, у нас же, помнишь, с Дим Юрьевичем ролик, поход на ферму козью в Крыму. Хозяин же как раз меннонит, по-моему, это немецкие протестанты, которые сбежали в Российскую империю, потому что их в Пруссии пытались призвать в армию, а Екатерина II им пообещала, что они будут заниматься хозяйством, но в армии служить не будут. Огромное количество переехало на территорию Запорожской области, Крыма — то, что называется [Приморская Новороссия](#). Так что это было распространённое явление. Я просто напоминаю, что сами США во многом родились благодаря таким беглецам. Почему? Потому что им в своих странах [не было места], это в первую очередь Англия и Германия. Мы не должны забывать, что в Штатах в своё время немецкий был государственным языком наравне с английским. Там очень много немцев, они своим примером демонстрировали в этих новых колониях образец общин. Так же появились мормоны. Они ушли на самый юг, их же отовсюду гнали из-за их многожёнства, пока они не дошли до этого непонятного штата Юта и там создали свою закрытую общину.

Поэтому по методу своему у главного героя неправильный подход в самом начале.

Д. То есть, по-твоему, не агитирующий коммунист — не коммунист?

СУ. Нет, конечно. А какой смысл иначе коммунистом быть?

Если коммунист не убеждает окружающих в необходимости более справедливого миропорядка, тогда он не коммунист.

Коммунист — это от слова «коммуна». Коммуна — значит «общее».

Д. Своих внутренних убеждений недостаточно?

СУ. Нет, недостаточно. Это же общественно-политическое устройство. Это очень хорошо показано в фильме. Как ни крути, они всё равно от общества никуда деться не могут.

Д. Да, у них и оборудование там в лесу.

СУ. Конечно.

Д. Ножики он им не самодельные подарил на праздник.

СУ. И автобус у них вполне себе, хоть и старенький, но работающий. Значит, запчасти где-то берут. Это иллюзия. Об этом на самом деле фильм, и во многом понятны становятся мотивы родителей, к которым они потом приезжают.

Д. По всей видимости, мать не до конца была согласна с этим укладом. Мы её не видим, но косвенно узнаём её позицию, она присутствует только в воспоминаниях и в этом письме. Как выясняется, те письма, которые старший разослал в вузы, откуда ему приходят одобрительные ответы: «Вы приняты», он не самостоятельно это делал, а с помощью матери.

СУ. Мать участвовала в этом всём. Судя по всему, мама уже офигела от этого образа жизни. Тем более, знаешь, это не отцу рожать-то. Каждые роды — это маленькая операция. Ничего себе! А тут шестерых родить на природе! Нормальный человек мозгом тронется. Поэтому там есть серьёзный вопрос, насколько адекватен главный герой.

Когда герой показан с точки зрения выживания, там, где требуется звериное сверхнапряжение, он сверхадекватен. А когда попадает в социальные ситуации, он просто неадекватен.

Например, хорошо, ты социалист, но зачем на похороны надевать красный костюм?

Д. Я так понял, что это свадебный костюм, потому что там мелькнула фотография в фильме со свадьбы, он был в [этом костюме].

Возможно, это просто единственный его костюм. Но я замечу, что у них была и нормальная одежда, там все нарядились каким-то образом.

СУ. Чтобы сплясать.

Д. Мама же завещала радоваться на её похоронах, потому что она была сторонником буддийской религии. Они чуждо выглядят всё же в рамках христианской церкви, когда туда приходят. Естественно, там все в трауре, в чёрном. Но не вразрез всё-таки с волей матери. Да, он выглядит вычурно и даже неуместно.

СУ. Самоубийство — это же ЧП. Понимаешь, в чём фишка? Если ты материалист и марксист, то занимай предельно рациональную позицию. Тогда ты должен сам для себя понять, что самоубийство — это ненормально для человека. Это противоречит естеству человеческому. Самоубийство. Ни в какой социалистической морали самоубийство не является нормой.

Д. Но всё-таки она была больна. Причём на голову, будем прямо говорить.

СУ. Тут мы переходим к вопросу очень либеральному, про эвтаназию. Он же должен тогда объяснить детям про самоубийство. Ничего себе! У меня главная претензия к этому фильму, что по ходу пьесы складывается впечатление, что отец за эвтаназию. По факту получается, что он за эвтаназию. Не разобран поступок, понимаешь?

Д. Потому что он не осудил мать? Ничего осуждающего не высказал?

СУ. Да, не разъяснил и не объяснил, что самоубийство — это не выход. Тем более он многократно говорит: «У неё наконец-то получилось». Какой мы можем из этого сделать вывод? Что она пробовала уже при них это сделать.

Д. Может, не при них, но так или иначе уже пробовала.

СУ. Они об этом знают. Это такой стресс!

Самоубийство противоречит биологической основе любого живого существа.

Нет такой вещи, как самоубийство. Это что-то ненормальное. Тогда нужно объяснить. Если ты объясняешь про половые акты, тогда объясни про самоубийство.

Д. Я бы тут заострил внимание. Он не столько объясняет, сколько по сути даёт определения. То, что он говорит, можно прочитать в энциклопедии. Он для них некий гугл живой.

СУ. Это тоже, да.

Д. И про самоубийство матери он говорит, естественно, когда им сообщают о её смерти, но он возвращается к этой теме и за столом у своей сестры, где присутствуют и её дети, абсолютно обычные. Их отец просто говорит, что ваша тётя тяжело болела, лекарства не помогли, пытается сгладить углы, на что главный герой сразу же вываливает всё на стол. Для его детей это не новость, а те явно такого ответа не ожидают. И более того, не ожидают их родители. Возникает конфликт с сестрой.

СУ. Но он до конца не разбирает. Тут в чём проблема-то? Он факт сообщает.

Д. Да, но в своё оправдание он замечает в споре с родителями, у которых они гостят, что «я не вру своим детям». Сестра в ответ говорит, что не давать им информацию, к которой они ещё не готовы в силу того, что они дети, — это не ложь. Надо ограждать их от этого.

СУ. Это разница в подходах педагогических. Один говорит, что нет тайн никаких. Второй говорит, что тайны сохраняются до какого-то времени. Всё узнаётся в своё время.

Но он же не следует своему завету. Он не объясняет детям, почему произошла такая страшная штука как самоубийство. Это страшнейшая вещь, тем более биполярное расстройство. Он же образованный. Ни хера себе образованный! Он же должен предполагать, что и у детей может быть наследственное. Душевные заболевания передаются по наследству. Ему бы сесть и рассказать: «Дорогие дети, смотрите, душевные заболевания есть наследственные, а есть приобретённые. Если наследственное, то каждый из вас потенциально в опасности. А если это приобретённое, то тогда нужно разобраться, какая ситуация к этому привела». На это косвенно нам намёком [указывают]. Младший сын говорит: «Ты довёл...»

Д. Средний.

СУ. Да, средний. Он входит постепенно в подростковый возраст.

Д. Единственный бунтующий в их семье.

СУ. Да. Он это должен объяснить. А он этого не делает, и это у меня главная претензия к фильму — что они как художественный приём используют самоубийство, которое сдвигает их с места, из этого леса. Я понимаю, что это художественный ход. Иначе бы они не выбрались, у них и так всё зашибись. Но нельзя тогда это не объяснить, потому что это противоречит самой идеологии. Они воспринимают это как норму, но это не норма.

Д. Да, меня тоже удивило, с какой лёгкостью они об этом говорили.

СУ. И не объяснены риски, которые у них есть. Потому что тогда, может быть, ты, средний сын, такой волчонок не просто потому, что ты в подростках ходишь. Может, у тебя тоже какие-то [наследственные отклонения].

Д. Да, только он, бунтующий, воспринял это сильно. Он занервничал, запсиховал, схватился за нож, побежал к отцу, посмотрел на него, побежал к двери, дверь там продырявил.

СУ. Психанул, типа.

Д. Да. Все остальные очень сильно расстроились, плакали, понятное дело.

СУ. Но не попытались понять, а что это было. Это главная проблема. Американцы всегда так копаются, «[Сопрано](#)» построено вокруг визита к психиатру. Это же их любимая тема. Нельзя использовать такие сложные приёмы, как самоубийство для упрощения сюжета. Это главная недоработка фильма. Я себе поставил восклицательный знак. Иначе оно не работает.

Какой вопрос главный? Это же вопрос о том, что считать правдой.

Правда — от слова «прав». Кто прав? И поэтому правда, которую они детям сообщают, соответствует тем социальным условиям, в которых дети формируются.

Для детей выросших в лесу, для Маугли, — своя правда, а для жителей города — своя правда.

И в этом смысле и сестра погибшей жены, с которой они судятся, права. Мы же видим, что их дети обладают другими навыками. Они умеют играть в приставку, чего те, в принципе, не умеют делать.

Д. Только единственный бунтующий попытался поиграть. Все остальные просто в шоке сидели.

СУ. Не поняли, что это такое.

Д. Там жестокий файтинг.

СУ. Это художественный метод, показать встречу двух миров внутри одной страны. Такие встречи бывают. Это очень хорошо было [видно], когда было потепление отношений между СССР и США, проводилось большое социологическое исследование учителей и старшеклассников в Советском Союзе и в США. Проблемы, которые больше всего беспокоят. Это 1989 или 1990 год. Топы советских проблем: успеваемость, отношения с родителями,

отношения со сверстниками. Топы проблем в школах США: ранние беременности, наркотики, убегают из дома.

Д. Наркотики как опасность?

СУ. Для учителей опасность. Главная проблема. У нас два было принципиально разных общества. Они были сверстниками. Но одни сформированы внутри Советского Союза. У них свой набор проблем. У тех, кто сформирован внутри США, свой набор проблем.

Есть ещё хороший фильм советский, документальный. Там показан социальный эксперимент. Берутся школьники, а потом через 20 лет смотрят, в кого они выросли. Они вспоминают, как были съёмки с ними 20 лет назад, кем они были. И похожие вещи с американскими проделывались. Посмотреть, как они выросли.

Здесь они сделали встречу двух укладов внутри одного государства. Так не бывает. Тогда бы эти дети не понимали, откуда берутся деньги. Откуда у них берутся деньги? Он нигде не работает.

Д. Я так понял, этого вопроса коснулись очень косвенно, когда в гостях у этой семьи он сказал: «Нам не много и надо, мы жили на ферме». По всей видимости, что-то скопили, потому что мы видим, как даже живя в лесу, он приезжает на заправку и приносит какие-то скворечники, что-то там они настругали, что-то продает.

И ему деньги даёт этот заправщик и говорит: «Я продал всё, что ты сделал».

СУ. То есть натуральное хозяйство.

Д. Нет, натуральное — это же что добыл, то и съел.

СУ. Обработал, продал, да, то есть уже товарное есть отчасти. Не знаю, можно ли так интерпретировать.

Д. Но деньги им нужны, по всей видимости, во-первых, для машины, он всё-таки её чем-то даже заправляет, а во-вторых, книжки-то у них не от руки.

СУ. Бензин у них есть, хозяйственные какие-то вещи.

Д. Хотел коснуться момента с деньгами и с едой. Они говорят: «Папа, нам нужно есть». Девочка пошла на охоту уже в цивилизованной Америке. Набрили на какое-то пасущееся стадо овец, очевидно чьё-то. И девочка побоялась. Не смогла застрелить эту овцу. Причём я не понял первый момент — терзание девочки. Она же не говорит, что я не смогла, потому что они чьи-то, это нехорошо. Она говорит: «Да они же просто стоят». То есть, она элемента охоты в этом смысле не видит?

СУ. Другое общество, да.

Д. Её не этическая составляющая остановила, что мы что-то чужое берём. Она это не смогла.

СУ. У неё, может быть, этика другая, что добыто только то, что на охоте.

Д. Да, а это типа не охота.

СУ. А это не добыча. В чём особенность охотника? У него уже добыча. А это убой. В чём разница между мясником и охотником? И тот, и тот убивают животное, но этот вступает в противоборство с ним, в какое-то хотя бы.

Д. А у мясника, по сути, и нет шанса на неудачу.

СУ. Он просто работу делает. Она не захотела быть мясником.

Д. Так как дети голодные, они отправились в ресторан, там посмотрели в меню.

СУ. Жрать нечего.

Д. «Папа, что такое кола?» «Это ядовитая вода. Пойдёмте отсюда». И они пошли в супермаркет. Он забрал их из ресторана, они там не поели. И в супермаркете они разыграли сценку, якобы у него приступ. А в это время дети стырили еду. Причём для них это он обозначил как «освобождение еды». Хотя по сути это воровство.

Исходя из разговора этого косвенного о деньгах с теми людьми, у которых они гостили, и исходя из того, что потом он им достаточно дорогие подарки подарил, то есть, не рукотворные эти ножи, лук, я даже не знаю, сколько такой лук стоит.

СУ. Ни хера себе.

Д. Да, понятно, что это припасено было, но деньги-то какие-то у него есть, очевидно. То есть, они, несмотря на наличие денег, я так понял, своровали.

СУ. Он уже потом объясняет отцу жены, для чего он это сделал. Это дурацкая сцена, я её тоже не понял, потом объяснение увидел в том, что главный герой говорит: «Дети были в шоке, они испытывали стресс. Нужна была ситуация для разрядки». Но это так за уши притянута, честно говоря.

Д. На тот момент до объяснения дедушке оно так не выглядит. Они не стрессуют.

СУ. Да, о чём и речь.

Д. Я подумал, что это чисто отговорка для деда. На самом деле здесь имеется какая-то идеологическая составляющая, что по каким-то причинам они забирают эту еду. Они считают это допустимым.

СУ. Скорее, социально-идеологическая.

Банда показывает свою сплочённость. Нужно какое-то дело. Они идеологически демонстрируют презрение к культуре потребления,

ко всему. Они же едут и смотрят, и не понимают, что это за херня вокруг.

Д. Отец сам иронизирует в громкоговоритель, обращаясь к ним, над тем, что современные американцы шоппинг признают главной общественной формой общественных отношений. Шоппинг. Кстати, даже когда они приходят в заведение (если ты помнишь, там был эпизод), где он деньги, по-моему, снял как раз-таки, то есть банк какой-то или что-то. Дети смотрят на людей.

СУ. И не понимают.

Д. Дети говорят: «Папа, что с ними не так? Они что, больные?» И тут один из младших говорит, что они жирные, как бегемоты. На что старшая поправляет: «Одно дело так думать, другое дело говорить вслух. Так не надо». Отец соглашается: «Мы над людьми не смеёмся». То есть, этические вопросы им тоже важны, папа не только как энциклопедия, что-то прививается в плане воспитания, но тоже девочка замечает: «Мы на людьми не смеёмся, кроме как над христианами».

СУ. Да, я помню этот момент. Давай тоже разберём эту ситуацию. Когда они попадают в город, дети оказываются полностью асоциальными. Много ситуаций, где они не вдувают вообще, что происходит.

Д. Даже самый старший.

СУ. Для него это вообще чуть ли не трагедией становится, потому что у него уже влюблённость, он сразу предлагает руку и сердце.

Д. После поцелуя.

СУ. Да, после поцелуя. Моментально, практически. Всё, как в книгах написали, правильно? Как говорилось в фильме, который нам с тобой нужно разобрать, «[Человек с бульвара Капуцинов](#)», «[Джонни, сделай мне монтаж](#)».

Я пытался занять позицию правильного подхода.

Если уж ты пошёл как философ — ты же как философ воспитываешь детей? — тогда, раз вы поехали в город, ты им объясни, как город устроен.

В городе же особая жизнь. Это не просто супермаркеты. У них есть хозяева. На них работает куча людей. Как устроена жизнь?

Иначе это идеи в сферическом вакууме. Иначе это всё эрзац-марксизм.

Это как у нас в соцсетях — комментарий написать, красный флаг вывесить, и всё. Нет, это так не работает.

Марксизм — это постоянная общественная практика.

Он должен постоянно всё объяснять.

Д.

Мир не только понять, но и изменить его.

СУ. Конечно. А иначе зачем? А иначе иди в христианство. Чего вы над христианами смеётесь? Иди тогда и думай о прекрасном мире будущего, который будет потом, молись. Всё. Чего вы над ними смеетесь? В этом же и прикол. Ведут-то они себя как христианские отшельники, по большому счёту, на уровне схемы.

Д. Они заняты собой.

СУ. Да, они заняты собой. Они считают, что у них правильный мир. Христианин чем занят? Спасением.

Смысл жизни праведного христианина — это спасение в жизни грешной, мирской для будущей настоящей жизни.

Христианину же говорят, что настоящая жизнь потом начнётся. Это пока, скажем так, испытательная.

Д. Подготовка.

СУ. От тебя зависит, начнётся ли у тебя в дальнейшем настоящая жизнь. А

коммунизм всё перевернул в конце XIX века. Он сказал: нет, настоящая жизнь — это та, которая здесь и сейчас, общественная.

Но так как властители этого мира, господа, настолько влиятельны, подвинуть мы их не можем. Мы только можем сделать это сообща. Только сообща, потому что у них сконцентрировано оружие, власть, деньги. В этом же идея переворота, революции. Но для того чтобы сделать всё сообща, нужно, чтобы идея овладела массами, откуда появились марксистские кружки, комитеты и проч. А он убегает. В этом же парадокс. Это и есть обманка, которую придумали во второй половине XX века, чтобы размыть возможность появления социалистических и

коммунистических партий на Западе. Было ответвление [фрейдомарксизм](#) так называемый, когда левые идеи объединили с сексуальными. Это то, что вылилось в левачество прозападное, где левые идеи вышли в борьбу за права меньшинств. Не за права социальных меньшинств, а всяких разных — любые меньшинства. А второе ответвление — это христианские.

Д. Любая борьба, кроме классовой.

СУ. Да, любая. Классовая тоже, но в том числе. Есть 100 видов борьбы, и из них классовая — это один из видов. И второй подход, как размыли эти идеи, это христианский. Христианский социализм, назовём его так. У нас это называлось социал-реформизм, за что Ленин [критиковал](#) в своё время Каутского: никаких соглашательств, никакого социал-реформизма, только движение на конфликт. В XXI веке на Западе левые в это выродились.

А мы имеем дело с отщепенцем.

В начале фильма мы имеем дело с человеком, который на уровне идей заряжен правильно. А на уровне социальной практики он делает ровно наоборот,

потому что его образ жизни, его образ социальных отношений не является ни для кого привлекательным. Единственный момент, когда он демонстрирует превосходство, это в гостях, когда есть дети одни, городские, и его дети выросшие. Мы видим, что они просто более интеллектуально развиты, больше знают, более взрослые. Но возникает вопрос. Если бы теми детьми, которые в городе росли, точно так же занимались, как он, что, они другими бы выросли? Нет. Тоже были бы более развитые. Мы это знаем. И в городе, когда родители занимаются, всю душу вкладывают в ребёнка, появляется результат. Откуда берутся чемпионы, учёные? Извини меня, до 10–12 лет, пока воля у человека не выработается своя, их за руку водят родители через не хочу. Со спортсменами это хорошо видно, потому что они раньше проявляются. У них уже результаты к 25 годам. Если ты учёный, то результаты у тебя к 40–50. А у спортсменов быстрый результат. Все это признают, что лет до 10–12 только тренер, только заставлять. А потом у человека это становится практикой.

Своим детям, которых герой хочет сделать марксистами, он не дал практику города, деревни,

опять же. Когда я смотрел, я пытался занять позицию политическую. Сельская жизнь по своему устроена, там свой капитализм. А в городе другой капитализм. А как ты объяснишь людям, где взять деньги, не объяснив структуру появления денег? Всё, это путь в отшельники. Поэтому ошибка именно политического позиционирования главных героев.

Мы имеем дело с набором идей из левой сферы, но не имеем дела с набором практик.

Д. Там тоже интересный момент. Они идеи-то одни разделяют. Дети готовы насчёт этого рассуждать, они знают, что большие корпорации управляют всем. Всё это они не просто даже повторяют за отцом, а понимают. Там тоже был, кстати, хороший момент, когда выясняется, что маму похоронят через пять дней там-то и там-то, где бабушка и дедушка, но дедушка запретил папе приезжать, а дети изъявляют желание, и возникает разговор об этом, самый

младший тут же говорит, что мы не презираем бабушку и дедушку, но люди их круга — фашисты-капиталисты. На что более старшая девочка замечает: «Ты просто повторяешь слова отца. Ты хоть знаешь, кто такие фашисты? Ты сразу же говоришь, что это агрессивные националисты и милитаристы, поддерживаемые крупным бизнесом, их монопартийными тоталитарными диктатурами». То есть они даже готовы разговор вести.

СУ. Теоретически понимают, а практически не видят.

Д. Я хотел на такой момент заострить внимание: они в одной системе ценностей с отцом, но отец-то в том мире вырос. Он оттуда пришёл.

СУ. Это очень важный момент. Он связан как раз с тем, что отец пришёл к своим убеждениям эволюционно. У него есть история. А тут на отрицании, учитывая, что это подростки, они как раз могут стать такими антикоммунистами, потому что им же давалась картина только на уровне идей, кто такие капиталисты. А потом ты попадаешь в реальный мир.

Д. А там вкусная кока-кола.

СУ. Ты видишь обаятельного банкира, с которым, например, дружишь. Ты видишь, что это хороший человек, как, допустим, та девушка, на которую запал старший сын. Он же не поинтересовался её политическими убеждениями. А вычислить её он не может. Просто в обществе надо определять людей не только по идеологическим взглядам, а ещё по отношениям — что такое хорошо и что такое плохо. А тут есть проблемы с тем, что такое хорошо и что такое плохо в плане реализма. Что такое освобождение еды? Это же нужно было объяснить детям, если он такую позицию занял. «Дорогие дети, мы провели спецоперацию для того, чтобы показать, что мы сильнее этого города, что наш коллектив, наша семья может даже обмануть целую корпорацию. В этом сила». И тогда это был бы политический урок. А так получается, что отец, как это называется, начётчик. Было такое хорошее выражение в Советском Союзе. Он не марксизм разъясняет, а пришёл, «бу-бу-бу», фразы общие произнёс. Это как вырождающиеся последние советские партсобрания, они хорошо отражены в литературе и кинематографе. Юрий Поляков, роман «[ЧП районного масштаба](#)», и [фильм](#) по нему снят. И «[Апофегей](#)» («апофеоз» и «пофигу», новое слово). Это всё было очень формальное, это жило в Советском Союзе, когда люди что-то проговаривают, какие-то мантры даже идеологические, но не задумываются над тем, что они значат. У детей будет эта проблема. Они мантры какие-то проговаривают. А что они значат, они не будут знать.

Д. В разговоре конфликтном со старшим сыном, когда выясняется, что он в вузы писал, а вузы ему ответили, он сказал: «Чему они тебя там будут учить? Ты знаешь квантовую физику». Он говорит: «Я всё это знаю, но я ничего не знаю о мире».

СУ. Старший сын, я считаю, в этом фильме единственный реалистичский герой. В этой ситуации он действительно реалист. Он вырос в среде, которая его, с одной стороны, гнетёт, но он не может подвергнуть [сомнению] авторитет отца, потому что мы говорили, что это традиционная семья, где отцу принадлежит всё, это не современная семья, где обычно детей меньше. Современная семья — это двое взрослых, один ребёнок, а тут другая традиционная, поэтому там авторитет важен, их много, их надо удерживать. Но при этом этот авторитет отца не распространяется на общественную сферу за пределами леса. Там он перестаёт быть авторитетом. Какую он им предлагает хоть одну нормальную идею по ходу этой пьесы? Никакой. У него сплошное отвлечение внимания. Какие он им преподносит уроки политические, например? Если ты воспитываешь как политиков, как заявлено (что мы воспитаем философов-правителей), вы вышли в этот мир, тогда ты разбирай, объясняй, как это всё устроено.

Д. Тут, кстати, прозвучал противоречащий тезис в том момент, когда он всё-таки принял решение ехать на похороны, дети-то его просили: «Мы хотим с мамой проститься». Отец-то им зачитал в данном разговоре про дедушку, который всё устроит так, как ему надо: «Дедушка властный человек, мы должны смириться с тем, что есть власть имущие, мы должны это понимать и смиряться». Но потом он говорит: «Пофиг, едем». Перелом. Но тезисы, озвученные им до этого, как-то не соотносятся с представлением о философах-правителях.

СУ. Да, это бегство. Это всё противоречат самому Хомски. У меня такое впечатление, что режиссёры взяли просто самого известного на тот момент левого интеллектуала, вписали его в сценарий, потому что если бы главный герой читал Хомского...

Д. А может, задача была в том, чтобы несколько дискредитировать?

СУ. Это я под конец запланировал обсудить. Как освещаются левые идеи, давай мы отдельно разберём. Да, я считаю, что в широком смысле это дискредитация, а в целом это доведение до абсурда. Что такое левые? Это фантазёры, отшельники, беглецы. То есть, люди, не понимающие вообще ничего про реальность. Фантазёры.

Д. Главный герой и говорит, что эксперимент неудачный по итогу.

СУ. А это-то не эксперимент. В чём фишка? Это же общественная практика. Но я тоже всем, кто много рассуждает по поводу левых идей, всегда напоминаю, что для начала нужно самим научиться, например, не давать деньги в долг под процент, не ложить их на депозит. Если вы определитесь с вашим отношением к ссудному проценту.

Д. Не ложить, а класть на депозит.

СУ. И не ложите, и не кладите. Ничего не делаете. Лоханулся.

Это же практика. Как ты можешь рассуждать о каких-то левых идеях, если ты сам при этом являешься барышником? Ты людям даёшь деньги под проценты. И здесь точно так же. Если ты исповедуешь принцип «человек человеку брат», — нет социальной сегрегации в обществе, мы все равны, — то тогда ты в свою общину должен затягивать. В этом же смысл. Об этом очень много писал [Фидель Кастро](#), он долго вёл свой блог, я его читал. Он был ещё в эпоху HTML1, начало 2000-х. Он постоянно вёл блоги. Я его много читал. У него были короткие заметочки. Он очень много рассуждал об идеях христианства и протосоциализме, христианских общинах. Он рассуждал о том, как действовали первые христиане, когда создавали общины во внешнем враждебном устройстве имперском. И мне кажется, что это во многом имеет право на жизнь, это достаточно реалистичная картина.

Д. Как пример практики и распространения идей.

СУ. Да. Круто быть социалистом в Китае или в СССР. Приятно. Правящая партия, ты делаешь карьеру. А попробуй быть социалистом в других окружающих условиях. И Ноам Хомски — это яркий пример. Он тоже не объясняет даже детям, почему Ноам Хомски. Почему он им так увлекается? Много социалистов и марксистов, но почему именно им? А именно потому, что

Ноам Хомски удерживает позицию, которую герой не удерживает.

Он является человеком с убеждениями, он вопреки всему сохраняет свою позицию в обществе, он преподаватель, он никуда не уходит, он продвигает свои идеи студентам, не только научные,

но и политические, он никуда не девается. А главный герой перестал это делать. В начале фильма. А к концу мы дойдём.

Д. Кстати, насчёт праздника Хомски, который они отмечают, этот бунтующий подросток, средний сын, говорит: «Что за фигня? Почему мы не можем праздновать, как все, нормальные праздники? Чей-то день рождения как национальный праздник отмечаем? Почему мы не отмечаем Рождество?» Он отвечает: «Что, для тебя какой-то выдуманный эльф главнее современных мыслителей первой величины?» Тот кипит, но говорит: «Ладно, забейте». «Нет-нет, давай, воспользуйся возможностью. Выскажи нам свои мысли. Мы их оценим и, если что, признаем свою неправоту». Но дискутировать на эту тему он не стал. У него, конечно, проигрышная позиция в данном случае.

СУ. А тут же манипуляция. Нет предмета дискуссии. У ребёнка же претензия не потому, что день рождения Хомски празднуем, а потому, что у нас нет общественной жизни принятой, как живёт общество. «Мы изгой». У него же в этом претензия. «Мы изгой».

Д. Мне кажется, у него большая обида на отца, потому что он винит его в смерти матери.

СУ. Это да.

Д. И он каждый удобный случай использует, чтобы противоречить ему.

СУ. Это называется Эдипов комплекс в культуре, когда сын начинает ненавидеть отца, это ещё связано с желанием совокупиться с матерью. Но это всё фрейдисты туда добавили. Есть штука под названием «Эдипов комплекс». Это конфликт между сыном и отцом вокруг матери. И всё вокруг этого происходит. Да, это Эдипов комплекс. Обычная история. Тем более такой стресс: мать умерла. Опять-таки, нужно объяснить. Он с ним как со взрослым, он его на абсурд берёт, троллит, что называется. Но он же ребёнок. Тогда ты ему объясни, откуда взялся праздник Рождество. Для чего он появился? Как оно появилось?

Д. Я думаю, кстати, что он в курсе. Тут проблема-то в том, что главный герой относится к ним не как к детям, а как к маленьким взрослым, о чём мы уже говорили. Он точно так же, наверное, ответил бы и сестре, если бы она подобную претензию выдвинула.

СУ. А надо всё-таки фильтровать и помнить, что мозг в разные годы по-разному воспринимает. Он противоречит сам себе. Об этом и есть фильм. Он полностью противоречит. Педагогика марксистско-ленинская, которая в Советском Союзе достигла вершин, чётко разделяет, в каком возрасте какой тип знаний нужно давать ребёнку, где ему нужно больше играть, где ему нужно больше уже учиться. Это всё не зря делится на школу подготовительную, начальную, среднюю, неполную среднюю. Это не просто так взялось.

Ещё [Коменский](#) заложил основу нашего образования (это чех, кстати, католический монах), обосновал всю концепцию педагогики, которая сейчас у нас развивается, педагогики постепенной передачи знаний, что ребёнка нужно вести, потому что раньше детей просто забивали знаниями — латынь и проч. А Коменский положил начало новой педагогике.

Главный герой совершает ошибку, потому, что у ребёнка желание не христианизироваться, у ребёнка просто желание социализироваться. И тогда бы отец должен был объяснить так: наша цель — чтобы все праздновали день рождения Хомски. Мы должны объяснить людям, что нужно праздновать день рождения Хомски. И тогда он не будет чувствовать себя изгоем.

Мы с чего начали? С диалектического разделения, что есть отшельники, а есть изгой. Решение отца осмысленное, это решение отшельника. А решение тех, кто живёт в этом с рождения, это

не решение отшельника. Человек может себя почувствовать изгоем, как чувствует себя средний сын. И ему как мыслителю, как он себя позиционирует, нужно удерживать эту позицию, что мы отшельники, а не изгой. А он её не удерживает, не объясняет постоянно.

[— Какой псих празднует день рождения Хомского как какой-то официальный праздник? Почему мы не отмечаем Рождество, как все нормальные люди?

— То есть ты больше уважаешь какого-то сказочного эльфа, чем современного мыслителя и гуманиста, который так много сделал для человечества? Ладно, давай обсудим.

— Забей.

— Нет, объясни. Используй возможность высказаться. Мы готовы выслушать твои доводы. Если они окажутся убедительны, мы все признаем свою неправоту. Верно?

— Да. Найди слова.

Отрывок из фильма]

Д. Я ещё замечу, что, несмотря на то, что ярко выражено бунтует средний ребёнок, но момент с тем, что дети чувствуют тут некоторое противоречие в том, что они от общества отвалились, но всё равно вынуждены с ним контактировать, и отец что-то недоговаривает, что мир не такой чёрно-белый, в тот момент, когда он на автобусе едет на заправку как раз узнать, как дела у мамы. И они спрашивают: «Когда мама придет?» Он отвечает: «Да скоро, скоро». Её нет уже сколько-то дней, месяцев. Они считают, они точно знают, сколько дней, месяцев и даже часов она уже отсутствует. То есть они по этому поводу переживают. И он говорит, что она в больнице, ей надо в больницу. И тут же они ему замечают: «А ты говорил, что в больницу нужно тем, кто умирает. Американцев плохо учат и хреново лечат. А ты говорил, что больницы, вообще медицина — это плохо обученные американцы, идущие на поводу у бигфармы, у медицинских корпораций».

СУ. Да, точно.

Д. «Как же так, папа? Тут ты нам рассказываешь у костра, что это всё фигня, с другой стороны, в эту фигню ты маму отправил».

СУ. Они ему пересказывают слова Ленина о том, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Да, это оно и есть.

Д. Но он отмахнулся. И хоть он и заявил, что маме не хватает серотонина в мозгу, поэтому нужно, видимо, что-то медицинское, чего у нас тут нет, просто подорожник не приложить. Но сказал: «Ведите себя хорошо» и убежал. Разговора не состоялось. Я просто про то, что тут уже есть некоторая трещина.

СУ. Оно с самого начала. Да, этот момент я упустил, не отметил себе. Да, это свидетельствует именно о том, что

герой не до конца адекватен собственной картине мира, которую он пытается

передать детям.

У него много очень тёмных пятен.

Д. Получается, общество, к которому они так иронично относятся — фашисты, капиталисты, корпорации и проч., власть имущие, — но без них-то не получается.

СУ. И не получится. И в финале они же к этому приходят, по большому счёту. Мы же это понимаем только по финальным сценам. Они переселяются в некий дом.

Д. Я так понял, что это та ферма, на которой они жили.

СУ. Это уже какой-то дом. И это уже не отшельничество. Они уже переходят к жизни коммуной. То, о чём я и говорил. Они пытаются организовать коммуну уже внутри общества, но немного обособленно.

Д. Это косвенно нам говорит о том, что они живут всё-таки с обществом, потому что он говорит, что школьный автобус скоро приедет.

СУ. А их автобус, который был переделан из школьного и на котором они ездили, он уже стоит, они его под что-то приспособили. Под цветник, по-моему.

Д. Под курятник. Они там яйца собирают.

СУ. Да, точно, курятник. То есть, машина на прикол поставлена, уже выросла в землю, всё. Они вернулись в общество, вернулись со своими идеями для того, чтобы показывать пример. Молодцы.

У меня возникает вопрос. А почему вы раньше этого не сделали? А для чего нужно было отшельничество? У меня несколько вопросов появилось. А может быть, вы отшельниками стали, потому что у мамы биполярочка началась?

Д. Нет, он сказал, что после рождения, я так понял, третьего.

СУ. Это он так считает, тогда оно проявилось после рождения третьего ребёнка. А может, оно как раз сформировалось после того, как они в отшельники ушли? Вот это самый главный вопрос. Может быть, и жила бы мать, если бы они сохранили обособленность, но не ушли от общества.

Д. Её фигура присутствует только косвенно.

СУ. Но она главная при этом. Она, вроде, косвенная, но вокруг неё всё крутится.

Д. Нет, безусловно, события, связанные с ней, — это двигатель сюжета, но нам-то всё-таки его взгляды показаны.

СУ. Ну да, но он же опирается на неё, она приходит к нему во сне.

Д. Он, кстати, и подчёркивает, что это наше совместное решение, потому что в конфликте с бабушкой, с собственным тестем, он говорит: «Что вы меня вините? Мы совместно это решили». А дед ему говорит: «Ты худшее, что с моей семьёй случилось».

СУ. Так это же как раз и есть конфликт базовый между традиционной семьёй и современной атомарной.

Если ты ушёл строить общину, то тогда нет никаких совместных решений. Есть только твоё решение как главы этого рода.

Всё, нет никаких совместных решений.

А если у тебя совместные решения, тогда давай устраивай демократию и с детьми тоже.

Что делать? Как делать? Куда уходить?

Д. Нет, совместное решение он всё-таки принимал с женой. Он не про детей.

СУ. Тут возникает вопрос. Если ты строишь традиционную патерланд, отчизну от слова «отец», тогда там фигура отца главная. Она всем распоряжается. Поэтому тут он лукавит. Мне этот момент вообще не понравился.

Фильм был бы офигенным, если бы они эту историю с самоубийством не сделали

центральной движущей.

Сделали бы маму, например, больной, прикованной к постели, что они вынуждены переехать туда. Или какие-то другие обстоятельства, которые вынуждают их вырваться. Но при этом не самоубийство. А так из-за самоубийства, с одной стороны, обострены все отношения. Отец ещё, надо сказать, ведёт себя достаточно адекватно. Очень сдержанно, очень спокойно. Единственный момент, когда он из лука стреляет.

Д. Дед.

СУ. Дед, да. Отец жены. А в остальное время все такие адекватные, все сверхадекватные. Плохо это получилось.

Д. Кстати, про конфликт поколений. Ты его немного затронул.

СУ. Мы имеем три поколения:

- Поколение самых младших, которые представлены нам детьми и двоюродными братьями. Там есть свой конфликт.
- Поколение среднее — это главный герой и фигура по умолчанию, его жена, которая самоубилась. Это ни хера себе конфликт, я напоминаю, самоубийство — это уход человека от окружающей реальности. Это очень важно. Тем более, уход матери. Любая мать понимает, как это отразится на детях.
- И третье поколение, которое нам представлено только родителями жены, которой нет. Хотелось бы, кстати, посмотреть на его родителей. Просто интересно, что это за люди, потому что он оборвал связь и всё. Они никак не показаны. Что это такое?

Показаны традиционные американцы, это не какие-то супер-рвачи. Не показано, что они капиталисты, ещё кто-то.

Д. У дедушки мега-дом.

СУ. Они обеспечены. Всё хорошо. Но мы не видим каких-то идеологических претензий, конфликтов между ними. Он его считает хиппи, дурачком.

Д. Не зря же было сказано в самом начале фильма, что мы не ненавидим бабушку с дедушкой, сказал младший, но их круг людей — фашисты-капиталисты. Или ты просто про то, что непонятно, насколько крупные?

СУ. Непонятен его уровень влияния в этом городе. Человек, он богатый, но уровень влияния его непонятен. Может, он пенсионер, может, ещё кто-то. Вообще никак не раскрыто.

Д. Но в полицию он позвонил сразу: «Пришлите человека». Он звонил как знакомому.

СУ. Может быть.

Д. Сразу же: «мой адвокат», визиточку отцу. Он говорит: «Да, я знаю, у тебя телефона нет, но советую позвонить, потому что мы собираемся детей оставить у себя».

СУ. Человек, конечно же, другого класса, это понятно. Но как-то я не увидел там кучу всякой обслуги, ещё чего-то.

Д. Но такой дом-то, там точно есть обслуга.

СУ. Дом по-богатому выглядит.

Д. Дети сказали про своих бабушку и дедушку, что, типа, столько территории пропадает. И эта вся роскошь, фу-фу-фу.

СУ. Давай на старшее поколение посмотрим. Оно абсолютно аполитично, если мы посмотрим.

Д. Здесь ничего не высказывается.

СУ. Да, здесь ничего не высказывается. Это люди, которые живут жизнью обывателя, даже если это богатый обыватель. Всё-таки политичность главного героя и даже его детей целенаправленно подчёркивается. Если бы хотели нам показать тоже политическую ситуацию, они бы наделили какими-то политическими взглядами старшее поколение. Хоть какими-то.

Д. Да, тут политического спора никакого нет.

СУ. А тут мы видим, что это принципиально оставлено за скобки, и поэтому старшее поколение показано только через позицию бабушек, дедушек, отцов, то есть через биологическую, а не социальную. И это очень ослабляет этот фильм, потому что мне бы хотелось там увидеть больше диалогов о том, как отец сокрушается (это только косвенно показано) о том, что была выбрана неправильная судьба. Что она могла стать адвокатом.

Д. Да-да, юридическое образование.

СУ. Юристы — это ни фигя себе. Юристы, стоматологи в США — это middle-up класс, высший и средний.

Д. Когда отец принимает решение оставить детей с бабушкой и дедушкой, затрагивает вопрос денег, что старший-то хочет в колледж. Он говорит: «Не знаю, хватит ли у вас денег». Дед сразу говорит: «Не волнуйся». А на перспективу-то там ещё пять. Дед говорит: «Нормально, справимся». Они явно обеспечены.

СУ.

В старшем поколении мы видим социальных прагматиков,

в лице деда.

Это сугубо прагматик, который держит себя так, как мы привыкли видеть классических американцев: он держит себя в руках, он контролирует эмоции, у него везде подвязки есть. Он знает, чего он хочет.

Он понимает социальную реальность, в которой оказался его непутёвый зять. И он берёт на себя ответственность. Тут мы видим передачу функции отцовской деду.

Это отчасти, наверное, становится точкой преобразования главного героя,

почему он и принимает решение всё-таки переселиться, уходить из позиции отшельника в позицию обособлённого и возвращаться, наверное, на ферму (ты прав), где они были.

Д. Мне кажется, его ещё подкосил побег сына. Давай скажем, что он-то пытался до самого конца, даже после конфликта с дедом. Изначально к деду сбежал этот бунтующий подросток. Он пришёл его забирать.

Тут уже явно давил авторитетом: «Просто идём. Никаких тут обсуждений. Всё, это мой сын, мы уходим с ним». Дед заявил, что ничего не надо, ничего не будет. «Вот тебе визиточка адвоката, всё уже будет решено». Он после этого предпринял неудачную спецоперацию по вызволению сына, отправил туда дочь, которая должна была прокрасться, упала с крыши, разбила голову, что-то там серьёзно поломала.

СУ. Она в корсете, да.

Д. Доктор говорит, что там перелом позвоночника, там какая-то трещина, была бы чуть-чуть пониже, вообще была бы смерть, паралич. В общем, очень везучий человек. И только это стало толчком к тому, чтобы пересмотреть свой подход. Мне кажется, немаловажную роль сыграл тот момент, что его погибшая супруга, оказывается, немного не такая, как он себе представлял. Это комментарий сына о том, что это не только его идея, что мама помогала отправлять документы в вузы.

СУ. Вместе готовились

Д. Он же его упрекает, он говорит: «Я даже не знаю, что меня больше удивило, что тебе так всё удалось, или то, что ты мне лгал.

СУ. Втихаря всё это делал.

Д. А тут он говорит: «Так мы с мамой, получается, лгали». А ей-то претензии-то уже не предъявить. И второй ещё момент, тёща показала два письма. Одно она скрыла, а второе письмо начиналось со слов: «Мама, забудь про то, что я тебе писала в первом письме, никого не надо забирать». Очевидно, что в первом письме она просила забрать детей. То есть не так уж она его и поддерживала и разделяла идеи. Но в то же самое время, это тоже однозначно невозможно воспринимать, потому что, как отец говорил про её заболевание на этом семейном

ужине у сестры, что её колбасило из эйфории в депрессию. Здесь я строю планы, здесь я уже, по всей видимости, как раз те периоды, где она пыталась покончить жизнь самоубийством. Возможно, эти письма тоже в разные периоды написаны.

СУ. Да, в депрессии, потом в эйфории. Накрыло [когнитивными ударами](#), [зрада-перемога](#), как мы сейчас разбираем. Это оно и есть. Это тяжёлое состояние, в которое человек погружается под воздействием внешних факторов. Мы это постоянно разбираем. Когда у человека реальность физическая и медийная одинаковая, то ему может показаться, что вся реальность таковая. Женщина, которая попала в условия отшельничества, у неё разорвались все социальные связи, она с матерью только переписывает. Любой человек может с ума сойти.

Д. Получается, что внутри своего пузыря он не ощущал того, что что-то тут не так. А только выплыл, пузырь лопнул.

СУ.

Герой нарушил главный принцип социалистическо-марксистский, левый — это постоянно смотреть на себя со стороны,

то есть иметь возможность абстрагироваться, подняться на уровень выше. Для чего нам нужны методы вроде марксистского? Для того чтобы иметь способность перемещаться на уровень обобщений выше и выше. Иначе мы уйдём в идеализм. Для этого и нужно. А он этого не делает.

Он никогда не поднимается на уровень важных обобщений.

Что произошло с матерью? Почему мы должны остаться в городе? У него же моральные терзания, когда он отправил эту девочку: «Я не смог, это моя ошибка». Так объяснить надо, что произошла за ситуация. Почему их средний сын решил остаться? Почему такое решение? А это всё не объяснено. И получается такая дурацкая ситуация, что на уровне риторики он марксист, а на уровне поведения он такой какой-то [ницшеанец](#), я бы даже сказал. Если мы посмотрим на его поведение, то мы видим ницшеанца, человека, у которого всё брошено на волю. У него преодоление постоянно, скалолазание, это постоянное преодоление воли. Он постоянно закаляет дух.

Д. Да, и даже сыну, который травмировался, он не стал помогать, даже не ринулся, просто проверил, что пальцами двигать можешь, значит перелома нет. «Справляйся сам». Хотя они висят на десятиметровой высоте.

СУ. Так а коммунизм — это же про общину. Какое сам? Наоборот. Я о чём и говорю, мне в этом фильме не понравилось (наверное, будем уже подытоживать про идеологию), что на уровне схемы у него риторика социалистическая, а поведение у него ницшеанское. Бог умер, я сверхчеловек, все дураки,

«Он - гондон!»,

«И ты — гондон!", <...>.

«А я — [виконт де Бражелон](#)!».

Такая у него позиция по факту. Но он её не отрефлексировал марксистски в самом финале. Решение принято правильное, как мы говорим, они возвращаются к обособленной жизни, [отказываются от] жизни изгоев. Но это не отрефлексировано и детям не объяснено. Поэтому, если говорить про идеологические выводы, то это фильм вредный, с точки зрения разъяснения и продвижения социалистических идей.

Д. Возможно, такой задачи и не стояло.

СУ. Может, и не стояло. Может, они по недоумству такое сделали либо непониманию. Но

по факту получается, что главный герой-социалист — неадекват социальный, который не понимает, как устроено общество, но при этом пытается быть от него свободным.

В то же время мы видим, что идеи он проповедует детям с позиции силы, а в ситуациях конфликтных он их не прививает.

А иначе зачем нужен марксизм? Нужно каждую ситуацию разбирать тогда с позиции марксизма.

Д. К каждой ли ситуации подходит марксизм?

СУ. К конфликтной — точно.

Марксизм — это про противоречия и про диалектическую борьбу.

Там логика взята из [Гегеля](#), и остальные вещи ещё выросли и развились, не только марксизм, но уже и ленинизм есть, и тот же маоизм. Но основа всё равно — поиск противоречий и определение диалектического конфликта. В этом же основа всего. Так он этого не делает. Как так можно? Что это за марксизм? Он, наоборот, должен указывать на все противоречия. «Дети, обратите внимание, вот такое противоречие. Мы воруют в супермаркете, смотрите, охранники вынуждены нас задерживать, хотя они такие же люди, как мы, но так как они поставлены в особые условия, они становятся для нас врагами. Хотя по факту они не являются врагами. В том йогурте, который мы украли, только 20% получает производитель йогурта, а всё остальное получает раз, два, три, четыре, пять. И поэтому парадокс в том, что мы, с одной стороны, совершили кражу...» — и дальше разбор ситуации. Я считаю, что так нужно, если ты занял позицию. Тогда это был бы идеологически полезный фильм. А сейчас это идеологически не то чтобы вредный, но размывающий суть политическую.

Д. Купил бы им бутылку колы, дал попробовать, спросил: «Вкусно?» Они бы все кивнули, он сказал: «Вредно, выплёвываем».

СУ. Как-то так, да. В общем, недоработано. Но попытка зачитывается.

Д. К просмотру всё равно рекомендуешь?

СУ. Я его рекомендую к внимательному просмотру, к поиску противоречий и к тому, чтобы посмотреть, как дети воспроизводят политические идеи, которые к ним приходят отчасти

извне. Назвать этот фильм шедевром я не могу.

Д. Но он явно примечательный из того, что идёт оттуда. Но он примечательный, да.

СУ. Он примечательный. И ещё параллельно я всем просто рекомендую почитать про историю американского Джонстауна, про эту коммуну Peoples Temple, иначе мы не можем понять этот феномен изгоев и отшельников, потому что ещё 50 лет назад в Америке людей с такими взглядами физически уничтожали. Эта реальность не показана. Если бы они были настоящими художниками, они бы ещё и рассказали, что происходило с людьми, которые пытались строить в США настоящие социалистические коммуны. Но они об этом не рассказали. Так что это такой типичный приемчик, когда мы берём исторический период только этот. Всё, что было до этого, мы забываем.

Как СВО, мы забываем, что было до 2014 года, ещё до этого. Сразу всё так и началось. Так нам это набрасывают. Здесь то же самое, взят очень короткий отрезок. Но не показано формирование марксистов, как они к этому пришли, и самое главное, к чему они пришли, и как они всё видят дальше. Он бы детей ещё собрал и рассказал бы, как они будут дальше жить. А показано просто: «Школьный автобус приедет». Приедет и приедет. Поэтому в фильме надо ковыряться, смотреть и показывать остальным, что

политические убеждения без практического применения, как минимум, для анализа применения, превращаются в фантазии.

Так что

это фильм о том, что нужно быть политическим реалистом,

как по мне.

Д. Хорошо. Спасибо.

СУ. Спасибо. Продуктивно. Будем продолжать.

** Курение вызывает зависимость и вредит Вашему здоровью.*

[Словарь когнитивных войн](#)

[Телеграм-канал Семёна Уралова](#)

[КВойны и весь архив Уралова](#)

[Группа в ВКонтakte. КВойны. Семён Уралов и команда](#)

[Бот-измеритель КВойны](#)

[Правда Григория Кваснюка](#)